Влавацкая М. В.

ИЗУЧЕНИЕ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (XVII-XIX ВВ.)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-49. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Mister, won't you throw us some coal? [Th. Dreiser, Jennie Gerhardt: 29].

В этом примере дети просят мужчину дать им немного угля. Отрицание в косвенных просьбах, выраженных в вопросе, является весьма распространенным, поскольку придает просьбе ненавязчивый характер. Так, отрицание в вопросе можно перевести в *пожалуйста* в просьбе: *Дайте нам, пожалуйста, немного угля.*

Вторичная функция данного речевого акта представлена в намерениях адресата призвать коммуниканта удовлетворить нужды и желания. Так как просьба предопределяет будущее действие человека, то есть, ограничивает его свободу, одной из стратегий реализации просьбы является намеренная неясность, вуалирование смысла [Карасик 1992: 76].

Как отмечает А. Ю. Архипенкова, английские коммуниканты отдают предпочтение косвенному выражению побуждения [Архипенкова 2006: 12]. В условиях статусной ассиметрии в английском языке часто используются вопросительные и модальные конструкции. Большая вариативность речевых формул, подразумевающих наличие права выбора у адресата относительно каузируемого действия, является доказательством того, что английские коммуниканты стремятся минимизировать прямое коммуникативное воздействие на адресата:

And if you want me to come back, hadn't you better say you're sorry? [C. S. Lewis. The Complete Chronicles of Narnia];

Если ты хочешь, чтобы я вернулся, не следует ли тебе извиниться? [К. С. Льюис. «Хроники Нарнии», пер. авт.].

Вопросительные высказывания являются предпочтительными не только при выражении просьбы, но и в других речевых актах, как например, в приглашении, где русские предпочитают императивные конструкции:

Why not go in Uncle John's fields? [D. McNicholl. A Son Called Gabriel: 19];

Почему бы не пойти на поле дяди Джона? (= Пойдем на поле дяди Джона!) [Д. МакНиколл, «Сын Гавриил», пер. авт.].

Вежливость является относительным понятием в количественном и качественном отношении. Качество определяет то, что можно считать вежливым, количество же - в какой степени принцип вежливости реализуется той или иной языковой формой. Безусловно, существуют абсолютные маркеры вежливости (напр., «спасибо», «пожалуйста», «thank you», «you are welcome» и др.), но их в языке немного. Большинство лингвистических единиц и синтаксических конструкций приобретают этот признак в определенном контексте.

Список использованной литературы

1. **Архипенкова А. Ю.** Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Ю. Архипенкова. - М., 2006. – 20 с.
2. **Беляева Е. И.** Принцип вежливости в вопросительных речевых актах [Текст] / Е. И. Беляева // Иностранные языки в школе. - М., 1990. - № 1. - С. 43-47.
3. **Давыдова Т. А.** Роль упрека в межличностном общении [Текст] / Т. А. Давыдова // Международная научно-практическая конференция МК-1-07. - Астрахань: АГУ, 2007. - С. 26-28.
4. **Карасик В. И.** Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. - М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. - 330 с.
5. **Клюев Е. В.** Речевая коммуникация [Текст] / Е. В. Клюев. - М.: ПРИОР, 1998. – 320 с.
6. **Hinkel, Eli.** When in Rome: Evaluations of L2 Pragmalinguistic Behaviors [Text] / E. Hinkel // Journal of Pragmatics. - 1996. - № 26. - Pp. 51-70.
7. **Larina T.** Проявление особенностей культуры в синтаксической структуре высказываний [Text] / T. Larina // Człoviek Świadomość Komunikacja Internet. - Warszawa, 2004. - С. 284-293.
8. **Leech G.** Principles of Pragmatics [Text] / G. Leech. – London-New York, 1983. – 217 p.

Список источников художественной литературы

1. Dreiser Th. Jennie Gerhardt [Text] / Th. Dreiser. - Philipp Reclam, 2004. - 284 p.
2. Lewis C. S. The Complete Chronicles of Narnia [Text] / C. S. Lewis. - Harper Collins Publishers, 2000. - 524 p.
3. McNicholl D. A Son Called Gabriel [Text] / D. McNicholl. - CDS Books, 2004. - 346 p.

ИЗУЧЕНИЕ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (XVII-XIX ВВ.)

Влавацкая М. В.
Новосибирский государственный технический университет

Приступая к исследованию сочетаемости слов в русской языковой традиции, необходимо начать со словосочетания, изучение которого представляет несомненную значимость, прежде всего как строительный материал для построения предложения. По словам академика В. В. Виноградова, словосочетание и предложение - качественно различные синтаксические категории. В отличие от предложения словосочетание не является цельной единицей языкового общения и сообщения, тем не менее, именно в правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка [1975: 232].

Изучение словосочетания в русской языковой традиции дало начало новым направлениям, которые впоследствии сформировались в отдельные научные теории. Как известно, источниками синтагматической теории, а также теории валентности и сочетаемости слов явились общепризнанные синтаксические труды XVII - конца XIX веков. Тщательно изучив концепции по исследованию словосочетаний, считаем, что в истории отечественного синтаксиса можно выделить пять этапов, характеризующихся различными подходами к рассмотрению природы и функционирования словосочетаний.

Первые поистине грамматические учения на Руси появляются лишь в XV-XVI вв., однако, характерной их особенностью было влияние античной лингвистической традиции: греческой или латинской. Одним из первых трудов в истории синтаксиса была теория сочетания (сочетаемости) слов Апполония Дискола (греческий грамматик II в. н.э.), который считал основной задачей синтаксического учения «сочетание отдельных слов в цельную речь» и «законы всякого рода сочетаемости слов». Главную роль в структуре «цельной речи» играет личная форма глагола, как особая часть речи. Все другие слова в синтаксическом построении состоят в определённых отношениях к данной части речи как её распространители. Используя термины частей речи, Апполоний Дискол попытался рассмотреть построение речи и предложения. Основой его синтаксиса стали приёмы и принципы сочетаемости форм слов, относящиеся к разным частям речи, или приёмы распространения слов, например, личная форма глагола может распространяться существительными, наречиями, модальными частицами; существительное - существительным, прилагательным и т.д.

Как представляется, это были первые зачатки теории сочетаемости слов. Оценивая синтаксическое учение Апполония Дискола, В.В. Виноградов писал, что синтаксис в таком понимании выступает как система законов и правил сочетаемости слов и способов образования на этой основе разных типов цельных речей - простых и сложных [1958: 10].

Русская грамматическая традиция начинает формироваться под влиянием грамматической традиции античности. Первыми разработками были учение о слове, о частях речи, о «сочинении» частей речи, или способах образования словосочетаний. Наиболее значимым филологическим произведением начала XVII в. стала славянская грамматика М. Г. Смотрицкого «Грамматики славенския правильное синтагма…» (1619). Это одно из первых упоминаний слова «синтагма», впоследствии давшее название целой теории.

Синтаксис русского языка в самом начале своей научной разработки опирается на необходимость исследования «речи», предложения и «словосочинения», т.е. описание грамматических способов сочетаний слов, относящихся к разным частям речи. В разделе о «словосочинении» М. Г. Смотрицкого были изложены правила употребления разных частей речи, разных форм слов, а также описывались некоторые конструкции и типы предложения (инфинитивные, безличные и т.п.).

Недостатком синтаксиса М. Г. Смотрицкого был ввод узко-лексикографических или узко-лексикологических правил управления, например, «*сладок, горек, красен, добр, тщалив, богат, убог, полезен, удобен* и сим подобная, над дательный приемлют винителен со предлогом *во,* яко *сладок во снедь, красен во видение, тщалив во добродетель, полезен во целбу, убог во грех, богат во милость, удобен во обретение, горек во вкушение* и прочая» [цит. по Виноградов 1958: 19]. Более того, в этом же учении указывается на необходимость разграничения синтаксиса простого и «образного», т.е. синтаксиса стилистического, к которому отчасти относится изучение порядка слов.

Первый этап в развитии учения о сочетании слов, который можно назвать доломоносовским, характеризуется описанием приёмов и принципов сочетаемости форм слов, относящихся к разным частям речи, способов распространения слов, а также правил употребления разных частей речи и разных форм слов. Другими словами, синтаксис выступает как система закономерностей и правил сочетания слов, подтверждаемая многочисленными узко-лексикологическими примерами правил управления.

Во второй половине XVII века начинается формирование русского национального языка. Сложившаяся в то время ситуация требовала создания норм литературного языка, разработки и изучения его грамматики. К 30-м годам XVIIIв. в русской лингвистической традиции уже был накоплен некоторый опыт создания практических грамматик. Но главный вопрос создания грамматики русского литературного языка не был решён. Переломный момент в решении данной проблемы обусловили лингвистические труды М. В. Ломоносова. Следовательно, считаем возможным назвать этот период создания грамматического учения в общем, и учения о словосочетании в частности - ломоносовским.

В «Российской грамматике» (1755) М. В. Ломоносова предметом особого внимания является синтаксис, который не только составил целую эпоху, но отчасти не потерял своего значения и сейчас благодаря точности грамматического описания синтаксических особенностей русского языка. В данном учении о формах и типах словосочетаний, последние рассматриваются как сочетания слов в предложениях по принципу согласования и управления. М. В. Ломоносов различает «сочинение имён», «сочинение глаголов», «сочинение вспомогательных частей слова» и «сочинение частей слова по разным обстоятельствам». В учении о сочинении слов рассматривались лишь синтаксические свойства элементов речи, что указывает на появление понятия синтаксической сочетаемости, однако не принимались во внимание функции и значения словосочетаний в разных видах предложений.

Исследуя правила сочетания слов, М. В. Ломоносов устанавливает наличие разных степеней грамматической обобщённости и абстрагированности форм словосочетания, вследствие чего в отдельных случаях он с большей выразительностью подчёркивает тесную зависимость синтаксических связей от лексических значений сочетающихся слов, например, *силён словом, рукою; силён в слове, в споре* и проч. Можно заметить,

что когда возникает проблема связи форм синтаксической сочетаемости с семантическими группами слов, М. В. Ломоносов отсылает к речевой практике. С другой стороны он не пытается анализировать различия форм сочетаемости у разных групп прилагательных и глаголов с разными системами значения слов.

Таким образом, М. В. Ломоносов избегает, но не отрицает важности связи форм синтаксической сочетаемости групп и серий глаголов, принадлежащих к одной лексико-семантической системе, т.е. объединённых единством или близостью их смыслового содержания. В Грамматике учёного были своеобразно описаны лишь конкретные способы сочетаемости слов в русском языке и некоторые способы синтаксического распространения разных частей речи. Такое понимание учения о «сочетании» частей речи нуждалось в непременном преобразовании.

Расширить ломоносовскую теорию сочетания слов и уточнить определения некоторых форм словосочетаний предстояло выдающемуся русскому учёному и просветителю XVIII в. Н. Г. Курганову. Вслед за М. Г. Смотрицким он стремился определить и дифференцировать правила синтаксической сочетаемости имён прилагательных в зависимости от принадлежности их к разным семантическим группам или системам. Например, среди именных словосочетаний с творительным падежом Н. Г. Курганов особо характеризует группу «прилагательных изобилие, скудность, славу, бесславие значащих: *одарен умом; богат достоянием, деньгами, деревнями; высок честию; велик властию; чист душею; скуден умом; кроток нравом* и пр.» [цит. по Виноградов 1958: 38].

Существенные дополнения сделаны Н. Г. Кургановым к Ломоносовской теории сочинения слов в разделе «сочинения глаголов», где в кругу глаголов он пытается выделить семантические группы слов, характеризующиеся специфическими качествами сочетаемости с разными падежами существительных. Он указывает, что «с дательным сочиняются глаголы верования, позволения, приказания, служения, поможения, повиновения, последования, завидения, поношения, ревнования, сетования, внимания, даяния и пр. и сим сопротивные: *верь святому писанию; служи обществу; не ревнуй лукавнующим ниже заведи творящих беззаконие»* [цит. по Виноградов 1958: 41].

Заслуга Н. Г. Курганова заключается в том, что он исправил и дополнил освещение вопроса о зависимости форм сочетаемости у отдельных разрядов слов, принадлежащих к разным частям речи, от отношения и взаимодействия разных семантических групп слов внутри лексико-семантической системы данного языка.

Развитие учения о словосочетании продолжает А. А. Барсов в «Российской грамматике» (1783-1788), значительно расширяя объём и задачи синтаксиса. С одной стороны, синтаксис учит правильному употреблению слов и соединению их в речи, имеющей полный или неполный смысл. С другой стороны, он выступает как учение о соединении и связи «нескольких слов или/и целых речей», т.е. учение о словосочетании и предложении.

В изучении словосочетаний русского языка А. А. Барсов следует ломоносовскому принципу определения зависимости структуры словосочетания от его семантического состава и грамматико-семантических категорий. Имея в наличии богатый языковой материал, учёный проводит этот принцип шире, чем М. В. Ломоносов. Он выделяет в каждом падеже целый ряд функций, например, родительный падеж при управляющей существительном демонстрирует значения: 1) части и отношения к целому: *подошва горы*; 2) владения в отношении к владению: *хозяин завода*; 3) качества, свойства в отношении к предмету, в котором оно находится: человек *слабого сложения, большого росту*; 4) отношения содержащего к содержимому и обратно: *бутылка вина, напиток сей бутылки, кадка мёду* и т.п. Творительный падеж, управляемый глаголом, имеет значения: 1) орудия: *его пожаловали орденом*; 2) чина или звания: *его объявили советником*; качества имени: *я его почитаю честным человеком; он выдаёт себя великим искусником*.

Можно заметить, как А. А. Барсов систематизирует и дополняет функции падежей, выделенные его предшественниками, а также уточняет характер синтаксических связей в определённых видах словосочетаний. Более того, при описании употребления определённых падежей, он широко применяет фразеологизмы и синтаксические конструкции из живой народной речи: *дым столбом, волосы дыбом, дурак дураком* и т.п.

Вслед за М. В. Ломоносовым А. А. Барсов продолжает изучение синтаксические различия между разными стилями русского литературного языка. В синтаксисе учёный приводит ряд группировок слов по их лексическому значению, т.е. выделяет семантические группы или системы слов при анализе разных словосочетаний. Семантические характеристики групп глаголов представлены в описании управления с союзом *что,* которого требуют глаголы чувств, мыслей и сказания (видеть, слышать, думать, объявлять и т.д.) и *чтоб*, которого требуют глаголы воли и повеления (хотеть, велеть и т.п.).

Среди впервые рассмотренных А. А. Барсовым проблем были вопросы о формах сочетаемости соотносительных с глаголами имён существительных и параллельных конструкциях при одном и том же стержневом слове. Конкретный материал, на котором строит свою теорию А. А. Барсов, свидетельствует о необходимости полного систематического описания основных правил сочетаемости слов в русском языке, а также чёткого определения основных синтаксических единиц, их форм и типов.

Изложенные факты являются неоспоримым доказательством того, что синтаксическая теория словосочетания в истории русского языкознания с самого начала создавалась не только на структурно-грамматической, но и на семантико-лексической основе.

Далее продолжая традиции М. В. Ломоносова, следует отметить труд А. Никольского «Основания российской словесности» (1807). В главе «О сочинении слов» автор говорит об употреблении, изменении и расположении слов, управлении одних слов другими, а также им рассматриваются правила согласования

существительных с прилагательными и т.д. В Грамматике А. Никольского разбираются приёмы сочетаемости слов, относящихся к разным частям речи при образовании сочетаний и предложений. В данной работе закладывается логическая основа синтаксиса русского языка.

В первой половине XIX в. выходит в свет один из первых русских грамматических трудов «Российская грамматика, сочиненная Российской Академией» (1802), составителями который были Дмитрий и Пётр Соколовы. В основу её синтаксиса было положено учение о сочинении разных частей речи, т.е. о способах и правилах сочетаемости слов, принадлежащих к разным частям речи. Главной задачей Грамматики в области «словосочинения» являлось расширение и детальная разработка вопроса о связи и взаимодействии синтаксиса словосочетаний и лексической системы русского языка. Основными способами синтаксической связи были согласование и управление. Словосочетание (синтаксис) ошибочно рассматривался как часть грамматики, «научающей правильному расположению частей речи и взаимному их соединению» [Виноградов 1958: 98].

Грамматика Академии Российской в разработке форм русского словосочетания продолжала ломоносовскую грамматическую традицию, дополняя её новыми наблюдениями над формами и типами словосочетаний. Подробно был разработан вопрос о способах «словосочинения» применительно к разным частям речи. В то же время в работе отмечался отход от синтаксических принципов М. В. Ломоносова в сторону ярко выраженного лексикологического и лексикографического эмпиризма.

Филолог-классик Н. М. Кошанский в статье «О русском синтаксисе» (1819) обращает внимание на неполноту перечней слов при изложении правил синтаксической сочетаемости в системе разных частей речи в Грамматике Академии Российской. По его мнению, этот недостаток в высшей степени показателен для понимания и оценки общих методологических основ её синтаксических правил. Перед исследователем встаёт задача установить законы и правила синтаксической сочетаемости, свойственные разным грамматико-семантическим разрядам имён прилагательных. На основе осмысления и обобщения фактов языка Н. М. Кошанский приходит к выводу о значительной роли семантических категорий в организации форм и типов русских словосочетаний. Он подчеркивает, что особенно важно определить законы и правила соединения, свойственные глаголам, т.к. именно глаголы влияют на формы сочетаемости производных от них существительных и прилагательных. Однако помимо правил и законов словосочинения, присущих отдельным частям речи, существуют правила и законы, охватывающие системы слов, которые относятся к разным частям речи, но принадлежат одному словообразовательному ряду или одной семантической категории, например, *согласие, согласный, соглашаюсь, соглашающийся, согласно - на что* и *с чем*?

Лингвистические наблюдения Н. М. Кошанского относительно сочетаемости слов, внесли много нового в изучение законов и правил русских словосочетаний, особенно в вопрос о разграничении разных форм и типов словосочетаний.

Дальнейшее развитие учения о законах и правилах сочетаемости слов мы находим в работе И. Ф. Калайдовича «О залогах глаголов русских» (1824), который утверждал, что одни и те же глаголы обнаруживают в разных контекстах и разных условиях синтаксической сочетаемости разные значения и, следовательно, могут быть отнесены к разным залогам. Критикуя Н. М. Кошанского за излишнюю категоричность правил синтаксической сочетаемости глаголов в зависимости от принадлежности их к тем или иным семантическим системам, И. Ф. Калайдович утверждает, что они нуждаются в ограничениях. Например, *радоваться, печалиться* не только *о ком - чём*, но и *кому - чему*; ср. разные управления у глаголов - *подражать кому - чему*, *перенимать у кого - что* и *подделываться подо что* и т.п. Согласно И. Ф. Калайдовичу, значение глагола не обусловливает конструкцию, а само зависит от конструкции.

Таким образом, основную задачу И. Ф. Калайдович видел в том, чтобы направить внимание исследователей на изучение соотношения и взаимодействия морфологии и синтаксиса, с одной стороны, и синтаксиса и лексики, с другой.

Характерной особенностью ломоносовского периода в изучении сочетаний слов является закладывание твёрдых и глубоких основ учения о «сочинении» слов, относящихся к разным частям речи. Главный акцент был сделан на связи и взаимодействии синтаксиса словосочетаний и лексической системы русского языка, в частности выделение семантических групп или системы слов при анализе разных словосочетаний. Следует особо отметить, что все представители данного периода чётко следовали ломоносовской традиции в изучении русского синтаксиса.

Третий этап в изучении сочетаний слов обусловлен появлением грамматических трудов А. Х. Востокова. В «Сокращённой русской грамматике» (1831) и «Русской грамматике, по начертанию сокращённой полнее изложенной» (1831) учёный представил детально разработанную и объёмную картину сочетаний слов на основе управления, углубляя и развивая учение о формах и типах словосочетаний. Полностью принимая ломоносовскую традицию, он определял синтаксис как учение о словосочетании, задачи которого - показ правил соединения слов в речи, изучение способов согласования и управления слов, расположение слов и составление предложений в периоды. А. Х. Востоков впервые обращает внимание на связь интонации и синтаксиса. Теория «прозодического периода» как простейшей единицы речи была изложена в работе «Опыт о русском стихосложении» (1817). Прозодический период у А. Х. Востокова - это группа слов, объединённых интонационно и по значению. Следует отметить, что понимание периода как интонационно-смысловой единицы речи перекликается с учением о синтагме, подробно описанным в XX в. Л. В. Щербой.

В учении о словосочетании А. Х. Востокова остро ощущается стилистическая направленность. Речь он разделял на 1) важную или благородную (книжный язык); 2) простонародную (просторечие) и 3) обыкновенную, или разговорную. В этом выделении типов речи проявляется стилистическое разграничение синтаксических явлений. Более того, учёный стремится также установить различия в синтаксическом строе словосочетаний в этих типах речи. Следует также подчеркнуть, что А. Х. Востоков учитывает взаимодействие лексических значений и синтаксических связей слов, другими словами, роль вещественных значений слов в структуре семантически обусловленных, лексически ограниченных типов словосочетаний. Определяя способы синтаксической сочетаемости ограниченных, семантически связанных групп слов, А. Х. Востоков, с одной стороны, выделяет общий смысловой центр всей данной системы слов, а с другой, приводит исчерпывающий список слов с распределением их по частным лексико-семантическим рядам. Например, учёный подробно описывает сочетаемость глаголов с дательным падежом, которым в частности управляют наречия качества, производные от прилагательных, требующих дательного падежа, или составленные из существительных отвлечённых, которые употребляются в винительном падеже с предлогами *в, на, под*: *соответственно, прилично, подробно, в меру, в угоду, вопреки, в упор, на зло, на перекор, на смех, под стать, под цвет; поступать соответственно правилам чести. Жить прилично своему состоянию, Летел подобно вихрю, исполняй свой долг вопреки людским пересудам* [цит. по Виноградов 1858: 178].

Большое внимание в своей теории А. Х. Востоков уделяет предложным словосочетаниям. Он чётко разграничивает типы синтаксических значений и функции предлогов. Последние вытекают из их лексических значений, которые обусловливаются связями со словами определённых семантических категорий. Исследователь указывает также на то, что предлоги могут служить средством управления для тех или иных ограниченных семантических разрядов слов (*сердиться на кого-нибудь - что-нибудь* и т.д.), а могут оказаться «застывшими» в составе того или иного грамматического оборота (*уродиться в отца, выйти в люди, верить в судьбу,* и т.д.). Выделяя разные виды грамматически связанного или формального, вспомогательного употребления предлогов, А. Х. Востоков разграничивает их в связи с анализом соответствующих типов словосочетаний. Например, словосочетания с предлогом *за* в творительном падеже существительного показывают: на вопрос где?, говоря о предмете, заслоняющем или отделяющем что-либо от другого: бытие позади; напр. *За домом, за забором, за горами, за морем*. - Говоря о пределах, внутри коих заключён кто: бытие вне; напр. *За городом, за границей, за чёртою* [цит. по Виноградов 1858: 180].

Можно заметить, какие точные и полные обобщения делает А. Х. Востоков, учитывая общие свойства синтаксических категорий и конструкций и внутренние связи слов, разных разрядов и групп. Подобные описания создают единство и общность синтаксических качеств и возможностей, подчёркивают специфические свойства отдельных синтаксических оборотов, а также выделяют закономерные способы взаимодействий форм синтаксической сочетаемости слов с их принадлежностью к определённым семантическим системам слов. Принципы изучения форм и типов словосочетания в русском языке у А. Х. Востокова, особенно относительно словосочетаний с предлогами, до настоящего времени не утратили своего значения. В синтаксических трудах учёного, как представляется, происходит становление и развитие уже зародившейся теории сочетаемости, пока не называвшейся данным термином. Однако В. В. Виноградов высказывает сожаление о том, что предложенное А. Х. Востоковым описание разных типов словосочетаний не было достаточно использовано и учтено в последующих синтаксических трудах А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона и др., в которых рассматривались вопросы классификации форм словосочетаний в русском языке [1958: 178].

К третьему периоду следует также отнести и грамматические труды К. С. Аксакова, известного как приверженца историко-социологической и философской концепции славянофильства, однако менее известного как создателя оригинальной грамматической системы, ставшей основой для дальнейших грамматических учений. Свои воззрение на грамматику и синтаксис учёный отразил в таких работах, как «О русских глаголах» (1855), «Опыт русской грамматики» (1860) и других.

Грамматику К. С. Аксаков подразделяет на объективную (аналитическую) и субъективную (синтаксис). Аналитическая грамматика состоит из двух частей, в первой из которых рассматривается имя и определяющие его прилагательное и предлог, во второй - глагол и определяющие его наречие и союз. По мнению исследователя, эти части являются основными в русском языке. Субъективная грамматика, или синтаксис, изучает движение, функции форм, жизнь слова в речи. Если аналитика исследует образование форм в слове, то синтаксис имеет дело уже с готовыми формами и только приводит их в движение. В создании теории русского синтаксиса К. С. Аксаков отталкивается от форм слов и законов их сочетаемости, различая значение формы, её употребление, её синтаксические функции и логические понятия, исходящие из вне, и привязываемые к словам и формам. По мнению исследователя, язык не созидает новых форм: здесь он имеет дело с уже готовыми формами и только приводит их в движение, пользуется всеми формами, флексиями, всем внешне выражающимся. Речь со всеми её оттенками, есть предмет синтаксиса, в ней выражается мысль человеческая.

Из рассуждений К. С. Аксакова о соотношении аналитики (морфологии) и синтаксиса можно заключить, что наибольшее значение он придаёт форме слова, в то время как значение слова не представляется столь важным и может быть каким угодно. Особое внимание К. С. Аксакова к изучению форм языка со свойственными им значениями и вытекающими из них синтаксическими функциями дало начало новому подходу к изучению грамматического строя русского языка, позднее разработанному и дополненному такими русскими учёными как А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов и др.

Необходимо отметить, что в этот период учение о словосочетании растворяется в учении о членах предложения и даже поглощается им. Однако среди всех работ по синтаксису выделяются труды А. Х. Востокова и К. С. Аксакова, отличающиеся особой глубиной поставленных в них проблем, и объёмом рассматриваемого материала.

Последующий четвёртый период в истории изучения русских сочетаний слов начинается с выхода «Исторической грамматики русского языка» (1858) Ф. И. Буслаева и характеризуется развитием нескольких синтаксических направлений, исходящих из разных пониманий основных категорий и понятий синтаксиса.

В основу грамматики Ф. И. Буслаева положены историко-лингвистические взгляды. Она имеет две части: этимологию (словопроизведение) и синтаксис (словосочетание). Морфология, по мнению учёного, изучает изменения слов с помощью склонений и спряжений, синтаксис объясняет значение и употребление частей речи и их изменений, состав предложений простых и сочетание их в предложениях сложных и в периодах.

Таким образом, в данной концепции морфология и синтаксис тесно переплетаются. Значительное внимание Ф. И. Буслаев уделяет второстепенным членам предложения, которые он рассматривает с двух позиций: по синтаксическому употреблению и по значению. Согласно первой, второстепенные члены предложения - это слова, присоединяемые к главным членам предложения посредством согласования (определительные) и управления (дополнительные). Ещё одна категория слов (обстоятельственные) не состоит в видимой синтаксической связи со словами, с которыми сочетается, например, *очень хороший, идти в город* и т.п. Анализируя второстепенные члены предложения по их значению, Ф. И. Буслаев вступает в противоречие с первым критерием, т.к. считает, что определительные и обстоятельственные слова пополняются за счёт дополнительных. В предложениях слова, употребляющиеся для обозначения обстоятельства места, времени, образа действия и т.д., выражаются то наречиями, то косвенными дополнениями (переходить *через мост*, выехать *из города*). По значению выделенные слова - обстоятельства места, а по синтаксической связи управления - дополнительные слова. Следовательно, противопоставление синтаксического употребления и значения представляется непонятным, т.к. не содержит лингвистического доказательства. Противоречия в грамматической системе Ф. И. Буслаева подвергались резкой критике со стороны К. С. Аксакова, А. А. Потебни и др.

Особенностью учения о словосочетании Н. П. Некрасова было то, что специфические грамматические свойства русского языка могут обнаружиться только при изучении глагола как основной части речи, т.к. в русском языке именно эта часть речи составляет основу для образования других разрядов слов. Относительно вопроса о грамматической форме слова, учёный различал этимологические и синтаксические формы. Под первыми он подразумевал такие, которыми определяется грамматическое значение слова, взятого отдельно, со всеми его видоизменениями. Под синтаксическими формами он понимал те формы, которыми определяется грамматическое значение слова в связи с другими словами в речи. Иначе говоря, этимологические формы определяют морфологическую структуру слова, синтаксические же представляют собой сложные, описательные формы, состоящие из двух и более слов (например, *сходил бы, буду читать*). Значение формы и круг её синтаксических употреблений - соотносительные, но весьма разные вещи. В морфологии Н. П. Некрасов видел основу синтаксиса.

Вслед за К. С. Аксаковым Н. П. Некрасов считал в качестве основной проблему формы как объекта лингвистического исследования. В работах этих языковедов была доказана необходимость конкретного преобразования теоретической базы русских грамматических учений.

Огромная роль в развитии русской синтаксической теории принадлежит А. А. Потебне - родоначальнику таких гениальных идей как взаимоотношение языка и мышления, знаковый характер языка и.др., изложенных в работах «Мысль и язык» (1962), «Из записок по теории словесности» (1905) и др. Согласно концепции учёного, язык - это система и всякое его явление находится в связи с другими. Действительная жизнь слова происходит и совершается только в речи. Функционируя в предложении, слово проявляет свои свойства только в окружении других слов, в отношении к ним. Слово само по себе мертво и не обнаруживает ни лексических, ни формальных свойств, потому что оно их не имеет. По А. А. Потебне, слово вне связи с другими словами - пустой звук.

Критикуя априорно-логический подход Ф. И. Буслаева при выделении второстепенных членов предложения, основу для правильного понимания А. А. Потебня видит в синтезе их значения и синтаксического употребления. Учёный подходит к новому пониманию грамматической природы членов предложения, которое заключается в том, что невозможно понять грамматическую структуру предложения без понятия второстепенных членов предложения и частей речи. Первое предполагает учёт синтаксического употребления, второе - лексико-морфологические средства выражения. Следует отметить, что рассмотрение этих средств как эквивалентных друг другу ранее в русской лингвистической традиции не наблюдалось.

А. А. Потебня утверждает, что грамматические формы обусловлены не только морфологическими элементами, но и синтаксическими связями, поэтому грамматические формы он считает семантико-синтаксическими и подчеркивает взаимосвязь лексических значений и грамматических форм. При функционировании слова лексическое и грамматическое значения тесно взаимодействуют и составляют один акт мысли. Разделить эти значения можно только тогда, когда слово становится предметом исследования, в речи же они едины. Нельзя понимать саму по себе форму, не учитывая лексического значения и синтаксического употребления.

Теоретическое различение языка и речи, доказательство системного характера языка, анализ сущности слова и выявление его связей и отношений с другими словами в работах А. А. Потебни предопределили последующее изучение этих проблем.

Характерным признаком пятого периода развития теории о сочетаниях слов (70-е годы XIXв.) в русской языковой традиции было то, что на фоне бурного развития сравнительно-исторического языкознания в России происходит постепенное становление языкознания как науки, изучающей сущностные особенности языка.

На дальнейшее развитие синтаксиса оказало значительное влияние учение о словосочетании Ф. Ф. Фортунатова. В грамматической концепции исследователя понятие словосочетания занимает центральное место, под которым он понимает «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части». Психологическая основа синтаксиса Ф. Ф. Фортунатова исходит от учения Г. Пауля в «Принципах истории языка», по утверждению которого всякая грамматическая категория возникает на основе психологической. Первая представляет внешнее выражение второй. В психологическом суждении Ф. Ф. Фортунатов различает две части - психологическое подлежащее, т.е. представление, являющееся в сознании говорящего и слушающего первым, и психологическое сказуемое, или то, что говорящий и слушающий мыслит и утверждает о первом представлении. Грамматические категории соотносятся с психологическими, но прямого тождества между ними нет.

В грамматике Ф. Ф. Фортунатов различает морфологию (в его терминах - этимология), которая рассматривает формы отдельных слов по отношению к отдельным словам, и синтаксис, который рассматривает формы отдельных слов по отношению к употреблению их в словосочетаниях. Раздел языкознания, в котором изучается история значений в данном языке или в данных языках был назван семасиологией. Ф. Ф. Фортунатов подчёркивал, что все изменения значений в языке являются результатом ассоциации представления по сходству или по смежности, поэтому объяснения для семасиологических явлений языка следует искать в психологии.

Специально к словосочетанию Ф. Ф. Фортунатов разрабатывает понятие грамматической формы, под чем понимает отношение данного предмета мысли к другому предмету. Словосочетанию, как и слову, он приписывает номинативную функцию, т.к. оно служит простым названием разных предметов, явлений, событий. Словосочетания делятся на грамматические и неграмматические. К первым относятся словосочетания, составляющие части которых являются грамматическими, и они в целом носят грамматических характер *(птица летит, воспитанник корпуса)*. В словосочетаниях данного типа вычленяются грамматические части, т.е. формы языка, показывающие отношения. К неграмматическим относятся такие словосочетания, в которых отношение одного предмета к другому не обозначены формами языка (*сегодня - дождь, Пушкин - поэт).* Концепция грамматической формы словосочетания у Ф. Ф. Фортунатова предполагала наличие противопоставления одной формы другой.

В своей синтаксической теории он приходит к отождествлению словосочетания и предложения: словосочетание - это выражение психологического суждения или его части. Более того, законченное словосочетание и полное предложение, по его убеждению - синонимы в языковедении. В основе процесса перехода словосочетания в предложение лежит процесс словесного оформления психологического суждения. Словосочетания соотносятся с полными и неполными предложениями. К неполным предложениям Ф. Ф. Фортунатов относит такое выражение психологического суждения, в котором только одна часть находит словесное выражение, а другая выступает в виде внеязыкового выражения действительности, например, *Пожар*. Полное предложение он рассматривает как такое выражение психологического суждения, которое в обеих своих частях имеет представление слов, причем такое предложение может состоять не только из словосочетания, но и из одного слова.

Из учения о словосочетании Ф. Ф. Фортунатова следует, что исходя из своей грамматической структуры, предложение эквивалентно слову, словосочетанию или развёрнутому словосочетанию, однако психологические их функции различны. Таким образом, теория Ф. Ф. Фортунатова о словосочетании носило семантико-психологический характер. Формализованное описание исследователя было ориентировано на словосочетание, представляющее собой синтез слова и предложения.

Подробное учение о разделении языка и речи, понимание языка как системы, язык как речевая деятельность, системные отношениях языковых единиц принадлежат И. А. Бодуэну де Куртенэ, основателю Казанской лингвистической школы. Дальнейшее развитие идей своего учителя мы находим у его ученика Н. В. Крушевского. В языке как целом он выделяет три больших подсистемы: фонетическую, семантическую и морфологическую. Особенность выделенных подсистем состоит в том, что неупорядоченные системы включают в себя старое и новое в языке, и связи элементов здесь основаны на воспроизводстве, или ассоциации по смежности, в отличие от упорядоченных систем, в которых связи между элементами основываются на производстве, или на ассоциации по сходству. Данные виды ассоциаций обусловливают положение слов в системе языка, связь между которыми осуществляется либо линейной последовательностью, когда слова объединяются в группы по принципу общности выражаемых ими значений - ассоциации по смежности, либо сходством между словами на основе внешнего признака или акустического образа. По мнению Н. В. Крушевского, упорядочение системы основано на законе ассоциации по сходству, в то время как то, что основано на законе ассоциации по смежности, по значению, находится вне языковой системы. Согласно зако-

ну ассоциации по сходству слова образуют систему или гнёзда, согласно закону ассоциации по смежности слова образуют ряды. Так, например, слово *собака* ассоциируется по смежности со словом *лаять*, слово *лошадь* - со словом *ржать*, *одержать - победу*, *нанести - оскорбление* и т.д. Эти соображения Н. В. Крушевского подтверждают мысль о том, что он является не только основоположником парадигматических и синтагматических свойств системы языка и речи, но и зачинателем основ теории валентности и сочетаемости в языкознании.

Вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ, Н. В. Крушевский утверждает, что системность языка проявляется как в статике, так и в динамике, и связывает это положение с учением об ассоциациях. Н. В. Крушевский приходит к выводу, что процесс развития языка представляется как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности. Важным представляется и то, что учёный подчёркивает взаимодействие отношений по сходству и смежности как факторов, влияющих на функционирование и развитие языка.

Именно эти виды ассоциаций лежат в основе учения Ф. де Соссюра об ассоциативных и синтагматических отношениях языковых единиц. Под последними учёный понимал языковые связи, основанные на линейном характере языка, определяющие протяженность. Эти связи являются аналогом ассоциации по смежности в концепции Н. В. Крушевского.

Позднее Ф. де Соссюр писал, что Н. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. В. Крушевский из всех лингвистов XIXв. ближе всех подошли к теоретическому рассмотрению языка. Развитие одного из ведущих направлений языкознания - структурализма в первой половине XX в. в своей основе опирается на концепции русских языковедов.

Высокий уровень развития русского языкознания конца XIX - начала XX века нашёл своё отражение в лингвистических трудах А. А. Шахматова. Одной из областей его научных исследований был синтаксис русского языка. Он поддерживает мысль А. А. Потебни о первичности предложения. Словосочетание рассматривается им как конструктивный элемент предложения, как незаконченная его часть. Это такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других.

Следуя за своим учителем Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Шахматов решительно отделяет законченные словосочетания от незаконченных. Его учение о словосочетаниях рассматривает только незаконченные словосочетания. Законченным словосочетанием он называет предложение, состоящее из двух или более слов. Признаками законченного словосочетания являются: со стороны формы - интонация, со стороны содержания - соответствие законченной единице мышления - коммуникация. Таким образом, законченное словосочетание и двусоставное согласованное предложение по существу совпадают. В шахматовской синтаксической концепции учение о законченных словосочетаниях отделено от учения о словосочетаниях и отнесено к синтаксису предложения. Синтаксис словосочетаний у А. А. Шахматова посвящён второстепенным членам предложения в их отношении к главным членам предложения или во взаимном отношении друг к другу. Он считает, что за пределами предложения и слово, и словосочетание имеют очень ограниченное и случайное бытие и употребление.

В основу классификации разных видов словосочетаний А. А. Шахматов кладёт отношения, определяющие связь разных членов предложения: атрибутивные, атрибутивно-предикативные, объективные, релятивные. Сложные типы словосочетаний он разбивает на простые, или парные, по характеру логических отношений, управляющих ими.

Особое значение А. А. Шахматов уделяет неразложимым словосочетаниями, к которым он относит выражения с числительными (*два стола, четыре села*), обстоятельственный оборот родительного даты (*первого января 1935 года*) и идиоматизмы (*спустя рукава*) и т.п. Предложения с несколькими однородными второстепенными членами, как полагает учёный, можно назвать предложениями со сложными словосочетаниями или сложным словосочетанием (*Тонкой голубоватой струйкой бежал дым из отверстия кадила*. И. С. Тургенев). Из этого следует, что слову «словосочетание» придаётся не совсем обычное значение, т.к. он называет этим термином ряд однородных членов предложения, т.е. сложную синтагму.

Учение о словосочетании у А. А. Шахматова полностью растворяется в учении о второстепенных членах предложения. Как полагает В. В. Виноградов, при анализе форм словосочетаний А. А. Шахматов не вышел из рамок схемы Ф. Ф. Фортунатова, они «не учитывались даже там, где это необходимо, тесная связь и взаимодействие синтаксических связей слов с их лексическими значениями» [1975: 410].

Обозначив общие, наиболее существенные для анализа моменты развития учения о сочетаемости слов, необходимо выделить пять этапов. Первый - доломоносовский - период следует соотнести к XVI - началу XVII в., когда синтаксис выступает как система законов и правил сочетаемости слов и способов образования на этой основе простых и сложных цельных речей. Уже тогда предпринимались попытки разграничения простого и «образного» (стилистического) синтаксиса, однако ввод узко-лексикографических или узко-лексикологических правил управления затруднял общее понимание синтаксического учения.

Второй этап, который следует назвать ломоносовским, охватывает большой период времени, начиная со второй половины XIII в. Он начинается с учения о словосочетании М. В. Ломоносова и характеризуется продолжением его традиции вплоть до второй половины XIX в. В это время рассматривались прежде всего синтаксические свойства элементов речи, что обусловило появление понятия синтаксической сочетаемости. Своё дальнейшее развитие получило освещение вопроса о зависимости форм сочетаемости у отдельных

разрядов слов, принадлежащих к разным частям речи, уточнён характер синтаксических связей в определённых видах словосочетаний, в каждом падеже выделен целый ряд функций. Продолжалось изучение синтаксических различий между разными стилями русского литературного языка, богатый материал, накопленный для исследований, свидетельствовал о необходимости полного систематического описания основных правил сочетаемости слов. Синтаксическая теория словосочетаний в истории русского языкознания стала ориентироваться не только на структурно-грамматическую, но и на семантико-лексическую основу.

Особенно важным представляется то, что в данный период закладывается логическая основа синтаксиса русского языка, тщательно разрабатывается вопрос о способах «словосочинения» применительно к разным частям речи, выявляется значительная роль семантических категорий в организации форм и типов русских словосочетаний. Особый акцент делается на изучение соотношения и взаимодействия морфологии и синтаксиса, с одной стороны, и синтаксиса и лексики, с другой.

Начало третьего периода падает на 30-е годы XIX в. Оно ознаменовано созданием синтаксической теории А. Х. Востокова, которая дала толчок к дальнейшему развитию и становлению русского учения о сочетании слов. Полностью следуя ломоносовской традиции в изучении синтаксиса, А. Х. Востоков детально разработал и представил богатый материал по сочетанию слов на основе управления, углубляя и развивая учение о формах и типах словосочетаний. Особое внимание он обращает на связь интонации и синтаксиса, что стало стимулом к созданию теории «прозодического периода», которая, как представляется, дала начало теории синтагм, подробно разработанной в начале XX в. На данном этапе А. Х. Востоковым детально анализируются и описываются предложные словосочетания, чётко разграничиваются типы синтаксических значений и функции предлогов. Изучение форм языка, свойственных им значений и синтаксических функций обусловило новое течение изучения грамматического строя русского языка. Все эти факты свидетельствуют о том, что в данный период происходит становление и развитие уже зародившейся теории сочетаемости, но пока не имевшей своего названия. Негативным моментом явилось то, что в данный период в русском синтаксисе учение о словосочетании фактически растворяется в учении о членах предложения и поглощается им.

Начало четвёртого периода связано с появлением теории Ф. И. Буслаева, изложенной в «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858), которая вызвала бурную критику, т.к. в ней противопоставление синтаксического употребления и значения представлялось непонятным, иначе говоря, по мнению многих языковедов того времени, его учение не содержало лингвистического доказательства. Н. П. Некрасов в своей концепции словосочетания исходил от глагола как основной части речи, т.к. считал, что в русском языке именно эта часть речи составляет основу для образования других разрядов слов. Основу синтаксиса он видел в морфологии. Другим представителем направления был А. А. Потебня, который исходил из того, что язык - это система и всякое его явление находится в связи с другими. Функционируя в речи, слово проявляет свои свойства только в окружении других слов. Впервые в русской лингвистической традиции было обращено внимание языковедов на изучение синтаксического употребления и лексико-морфологических средств выражения, которые стали рассматриваться как эквивалентные друг другу. Словосочетание, согласно А. А. Потебне, является конструктивным элементом предложения, его незаконченной частью. Таким образом, данный период в изучении сочетаний слов характеризуется существованием нескольких синтаксических направлений, причина которых заключалась в разном отношении к основным понятиям и категориям синтаксиса.

Пятый этап в развитии изучения сочетаний слов завершает процесс развития и становления учения о сочетании слов в русском языковой традиции. Начиная с конца 50-х годов XIX в., данный период характеризуется появлением наиболее доказательных работ в области синтаксиса в целом, и изучении словосочетания в частности. В концепции Ф. Ф. Фортунатова словосочетание уже занимает центральное место. Словосочетание, по его мнению, носит номинативную функцию, т.к. служит простым названием разных предметов и явлений. Выдвинутая им идея, что все изменения значений в языке являются результатом ассоциации представления по сходству или по смежности, далее была развита и дополнена в учениях И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. Основная мысль этих концепций заключается в том, что процесс развития языка представляется как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности. Эти прогрессивные для того времени принципы в последующем и составили фундамент уже зарождающимся теориям валентности и сочетаемости, строящихся на синтагматических отношениях языковых единиц.

Прослеживая зарождение и развитие этих теорий в русской лингвистической традиции, следует подчеркнуть, что в учении о сочетаемости слов первым сформировалось понятие синтаксической сочетаемости, т.к. внимание русских языковедов было в первую очередь обращено на форму, а не содержание языковых структур. Однако, в истории учений упоминание о совместном существовании структурно-грамматических и семантико-лексических связей слов относит нас к далёким временам М. Г. Смотрицкого и М. В. Ломоносова.

Синтаксическое учение о сочетаниях слов обусловило появление другого направления в русском языкознании, которое впоследствии приобрело название теории синтагм. Её зарождение произошло в первой половине XIX в. с появлением синтаксических работ А. Х. Востокова, в которых задачи синтаксиса определялись как правила соединения слов в речи. Более того, прогрессивным для того времени было проявление внимания к интонации и её роли в изучении синтаксиса. Теория «прозодического периода» как простейшей

единицы речи была первым шагом в развитии синтагматической теории, далее разрабатываемой А. А. Потебнёй, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Н. В. Крушевким, А. А. Шахматовым и др. Наиболее близко подошёл к теории синтагм А. А. Шахматов, который, исследуя признаки законченного словосочетания, пришёл к выводу, что со стороны формы данным признаком является интонация, со стороны содержания - соответствие законченной единице мышления, или коммуникация.

Последний период является наиболее значимым в историческом отношении, т.к. на этом этапе появляются первые ростки разных синтаксических и синтагматических концепций, которые приобретают собственное оформление и обоснование в последующую эпоху.

Проведя рассуждение относительно основных этапов изучения сочетаемости слов в русской языковой традиции, мы выявили предпосылки зарождения новых концепций, касающихся линейных отношений слов, и проследили основные тенденции в их развитии. Накопленный на протяжении нескольких столетий теоретический и практический материал к началу XXв. подготовил благоприятную почву для возникновения и расцвета таких значимых теорий, как синтагматическая теория, а также теория валентности и сочетаемости языковых единиц.

Список использованной литературы

1. **Андрамонова Н. А.** Н. В. Крушевский и проблемы синтагматики речи // Николай Крушевский: научное наследие и современность: Материалы Международной конференции «Бодуэновский чтения». - Казань: Изд-во «Новое знание», 2001. - С. 35-42.
2. **Березин Ф. М.** История русского языкознания. - М., 1979. – 223 с.
3. **Виноградов В. В.** Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка): Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Изд-во «Наука», 1975. – 558 с.
4. **Виноградов В. В.** Из истории русского синтаксиса. - М.: Изд-во Московского университета, 1958.
5. **Кондрашов Н. А.** История лингвистических учений. - М.: Изд-во УРРС, 2004. – 224 с.
6. **Шулежкова С. Г.** История лингвистических учений. - М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2006. – 408 с.
7. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Введение в языкознание: Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. - С. 246-293.

СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Волостных И. А., Гливенкова О. А.
Тамбовский государственный технический университет

Современная лингвистика не оставила без внимания такую интересную область исследования жизни человека, как эмоциональная сфера. Изучение языка эмоций является актуальной проблемой как отечественной, так и зарубежной филологии в силу своей антропоцентрической направленности (см. Н. А. Красавский, В. И. Шаховский, Е. Ю. Мягкова, З. Е. Фомина, Л. Г. Бабенко, А. Вежбицкая, К. Бюлер и др.). В фокусе исследовательских интересов в первую очередь оказывается изучение языка эмоций.

Собственно филологический подход к исследованию языка эмоций заключается в описании исключительно языкового механизма вербализации эмоций, что является фактором, ограничивающим действительно глубокое изучение психических переживаний человека, которые, на наш взгляд, должны изучаться с учетом особенностей национального менталитета, культуры и характера человека. «Естественно, что в разных лингвокультурах эмоции вербализуются в соответствии с национально-специфическими языковыми и культурными нормами и правилами» [Шаховский 2002: 8]. Такое исследование лингвистики эмоций становится возможным в рамках лингвокультурологического подхода (см. А. Вежбицкая, Н. А. Красавский, В. И. Шаховский, З. Е. Фомина).

С целью исследования особенностей актуализации эмоционального концепта «радость» во французской языковой культуре считаем необходимым применение дефиниционного анализа, что позволит нам определить содержательную структуру изучаемого концепта. Вышеуказанный вид анализа эмоционального концепта «радость» мы проводим с привлечением наиболее авторитетных лексикографических источников, изданных во Франции - Le Grand Robert de la langue française (1990), Hachette Le dictionnaire de français (1989), Larousse Dictionnaire de français (1993). В современном французском языке лексема «радость» (joie) имеет следующие дефиниции:

«Joie - 1. émotion agréable et profonde, sentiment exaltant ressenti par toute conscience humaine; 2. (au sens de «manifestation d'amour») cette émotion, liée à une cause particulière; 3. a) comportement joyeux; b) *Littér,* atmosphère joyeuse; 4. *Par antiphr.* (Plur.) ennuis, désagréments; 5. *Vieux.* pour plaisir, avec le sens du lat. gaudium; 6. (emploi spécial du sens 3). Les joies (au pluriel) - plaisirs, jouissances, et choses, événements qui sont des causes de plaisir [Grand Robert: 821-822]. Радость - 1. приятная и глубокая эмоция; возбуждающее чувство, испытываемое всем человеческим сознанием; 2. (в значении «проявление любви») эта эмоция, связанная с особой причиной; 3. а) радостное настроение; б) *лит.* радостная обстановка; 4. *перен.* затруднения, неприятности; 5. *устар.* для удовольствия в значении латинского слова gaudium; 6. забавы, наслаждение и предметы, события, которые являются причинами удовольствия.